я сталкиваюсь впервые; надеюсь, она не пустит корни в отечественном книжном деле (а это решение именно русского издания – в английском и французском изданиях эти разделы напечатаны под одной обложкой с остальным текстом). Срезание ссылочного аппарата и библиографического раздела из соображений экономии в книге, объясняющей широкому читателю, что такое организованный научный поиск и коллективное исследование, выглядит печальной аллегорией существования науки в Отечестве.

Институт философии РАН **А.Т. Юнусов**
forty-two@mail.ru

У.К.Ч. Гатри. *История греческой философии*. Том 5. *Поздний Платон и Академия*. Перевод с английского Н.М. Селивёрстова под редакцией В.В. Прокопенко. СПб.: Владимир Даль, 2024. – 799 с. ISBN 978-5-93615-361-7.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-19-29 УДК 1(091)

Издательство «Владимир Даль» продолжает публиковать перевод шеститомной «Истории греческой философии» шотландского филолога-классика и историка философии У.К.Ч. Гатри (1906–1981), выпустив пятый том, в оригинале вышедший в 1978 г. Формально и содержательно он является второй частью предыдущего тома: оба они посвящены Платону, пятый – диалогам, традиционно считающимся поздними («Кратил», «Парменид», «Теэтет», «Софист», «Политик», «Филеб», «Тимей», «Законы»), spuria et dubia, письмам, «неписаному» учению Платона, а также его ближайшим соратникам (Евдоксу Книдскому, Спевсиппу, Ксенократу, Гераклиду Понтийскому).

Поскольку это продолжение, к нему применима та же самая общая характеристика, что и к первой части: благодаря

© Наранович С.В., 2025

тому, что работа Гатри богата ссылками на ученых XIX и XX вв., таких как Грот, Целлер, Виламовиц, Корнфорд, Шори, Фридлендер, Чернисс, Властос и многих других, это один из самых репрезентативных срезов состояния платоноведения на конец 1970-х гг. Даже в тех случаях, когда современного читателя эти ссылки могут удивить, они полезны: скажем, не раз и не два Гатри приводит интерпретации Карла Поппера, которые сегодня едва ли находятся в мейнстриме платоноведения, тогда как полвека назад воспринимались всерьез, а значит, представляют определенный интерес в качестве еще одной страницы истории философии.

Ценность труда Гатри состоит, конечно, не только в дискуссии с остальными учеными, но и в его собственной точке зрения на Платона. В общих чертах мы ее уже охарактеризовали в рецензии на предыдущий том, назвав Гатри «умеренным девелопменталистом», воздающим должное в том числе таким сторонникам унитаризма, как Поль Шори. Эта умеренность Гатри в особенности заметна в настоящем томе, на протяжении которого он неоднократно старается представить поздние диалоги, несмотря на определенные модификации платоновских позиций, не порывающими с философией «зрелого Платона», но находящимися в неразрывном единстве с ней.

Здесь мы обратим внимание лишь на несколько отдельных моментов, в первую очередь связанных с магистральной линией, проходящей через оба тома, – платоновским учением об Идеях, которое, согласно Гатри, заключается в том, что:

> так называемые универсалии есть не просто умственные концепты, но объективные реальности, которым свойственны совершенство и вечность, недоступные в ощущении, но постигаемые после интенсивной подготовки своего рода умозрением и существующие независимо от своих изменчивых и несовершенных проявлений или копий, которые составляют все, что нам дано в опыте этой жизни (с. 578).

«Парменида», «Теэтета», «Софиста» и «Политика» Гатри выделяет в отдельную группу диалогов, в которых «мысль Платона совершает примечательный поворот», ставящий под вопрос исходную «предпосылку или гипотезу о существовании

неизменных Идей – Блага, Прекрасного и остальных» (с. 59). Обсуждая «Парменида», Гатри подчеркивает, что разобраться в его замысле «весьма трудно», и предпринималось уже столько интерпретаций, что к любой следует «относиться к большим недоверием» (с. 96). Он решительно отвергает точку зрения, что в «Пармениде» Платон отказался от «концепции Идей как трансцендентных образцов», указывая на то, что большая часть диалога представляет собой не более (но и не менее) чем «гимнастику ума» и

> диалектическое упражнение в аристотелевском смысле, полезное в первую очередь для тренировки ума, во вторую очередь – чтобы побороться с оппонентами на их территории и, наконец, для совершенствования в самой философии (с. 90).

Это «тренировочное упражнение, одно из ряда необходимых, прежде чем приступить к позитивному поиску истины» (с. 95), посредством которого Платон не отказывается от учения об Идеях, но, наоборот, укрепляет его и подвергает проверке.

В том же ключе Гатри рассматривает «Теэтет»: отсутствие в нём прямых упоминаний Идей не должно ввергать читателя в заблуждение, поскольку главный урок диалога заключается в том, что попытки определить знание, не опираясь на Идеи, обречены на неудачу,

> что учение «Федона» и «Государств», «Пира» и «Федра» не было отброшено и что успешный поиск природы знания возможен по ту сторону ограничений, наложенных Платоном на самого себя (с. 146).

Поиск «выхода из затруднений», поставленных в «Пармениде» и «Теэтете», продолжается в «Софисте», где

> под более благосклонным элеатским присмотром мы начинаем строить на так расчищенной почве и узнаем, например, что одни Идеи могут комбинироваться, а другие – нет (с. 97).

Противостоя исследователям, полагавшим «Софист» еще одним диалогом, в котором Платон распрощался со своим прежним учением об Идеях, Гатри продолжает аргументировать, что в этом диалоге Платон по-прежнему имеет в виду «не просто

умозрительные понятия, но реальности, существующие объективно и независимо» (с. 248). Как с сожалением отмечает Гатри, если бы к «Софисту» Платон уже отказался от «метафорического языка, неотделимого от учения об Идеях», который «не подходил для исследования областей логики и языка» (с. 249), то «философии было бы легче развиваться» (с. 250).

«Политик» — это «странный и очаровательный диалог», который «в такой же мере является произведением искусства, или философским гобеленом, как и любое другое сочинение Платона» (с. 297). Для Гатри этот диалог, по-прежнему предполагающий почти что «религиозную веру в сверхчувственную область божественных сущностей» (с. 272), важен тем, что в нём Платон предпринимает попытки (которые затем в других отношениях продолжит в «Филебе», «Тимее» и «Законах») опустить свою философию с небес на землю и занять более «практическую» позицию, нежели чем в «Государстве», сосредоточившись на «искусстве управления на человеческом, “не самом” лучшем, уровне и правильном применении метода более поздней диалектики» (с. 298). В свою очередь, в «Тимее» Платон

> не забросил человеческие дела ради космологии и естественных наук. Его задача заключалась в том, чтобы поместить человека в его вселенское окружение и сделать выводы относительной человеческой жизни (с. 378).

В пятом томе Гатри отходит от читательской стратегии, заявленной в предыдущем применительно к ранним диалогам, которые он старался рассматривать в отдельности, без привлечения всего остального платоновского корпуса. Так, для

> полного понимания «Филеба» его следует читать в свете родственного ему диалога «Тимей» […] То же самое относится к «Политику», где более полно и ясно объясняются природа и важность *metron* и *metrion* (с. 366).

Что касается Идей в «Тимее», то основное отличие от диалогов «зрелого» периода заключается в том, что,

> следуя или предшествуя тенденции «Филеба», Идеи теперь служат только формальными причинами (если воспользоваться знакомыми аристотелевскими терминами), уступив самостоятельной

> силе [т.е. демиургу. – *С.Н.*] квазиэффективную функцию, которой они довольно смутно наделялись в «Федоне» (с. 392).

В обсуждении «Тимея» Гатри подробно анализирует «темное и трудное понятие» Восприемницы становления, χώρα, которую, с его точки зрения, не следует трактовать ни как телесную материю, ни как пустое пространство и чистую протяженность, но как «матрицу», которая никогда не пуста, как полагал Целлер, но всегда наполнена

> телами первичного рода, движущимися во всех смыслах слова *kinesis*, изменяющимися, порождаемыми и гибнущими, сталкивающимися друг с другом […] и сообщающими это движение самой Восприемнице (с. 412).

«Законам», самому большому платоновскому диалогу, уделено относительно немного страниц – всего 95 (в то время как «Теэтету» – 89, а «Тимею» и «Критию», рассматриваемым совместно – больше 100). Традиционное пренебрежение этим сочинением не обошло и Гатри, который долгое время разочаровывался

> из-за препятствия, поставленного на нашем пути самим Платоном: многословной и скучной проповеди в первых двух книгах на тему моральных и воспитательных преимуществ вечеринок с выпивкой (с. 585).

Вместе с тем его рассмотрение этого диалога отличается большой взвешенностью – Гатри далек от того, чтобы вслед за Поппером утверждать, что Платон в «Законах» выступает основоположником «тоталитарного милитаризма». Он подчеркивает, что о тотальном подчинении приказам речь идет исключительно в контексте военной подготовки и службы, тогда как в гражданской жизни «идеалом является не то, чтобы все подавляли инициативу и исполняли приказы начальника» (с. 538). По Платону, пишет Гатри,

> подлинный досуг и культура […] никогда не бывают следствиями войны. Следует проводить свою жизнь в игре определенного рода, в жертвоприношении, пении и танце и тем самым завоевывать благосклонность богов и противостоять врагам (с. 539).

Точно так же Гатри не может согласиться с точкой зрения некоторых исследователей, что «в критском государстве Платона не будет философов и философии», показывая, что точно так же, как в «Государстве», философия будет уделом немногих – членов Ночного совета, которые должны быть мастерами в том, чтобы уметь «отнести к одной идее множество непохожих вещей», т.е. в той «диалектике, которую мы знаем по “Софисту” как отличительный признак чистого философа» (с. 569). Роль Идей в «Законах» Гатри видит примерно тем же образом, что и в «Теэтете»: несмотря на практически полное отсутствие их упоминаний,

> весь характер «Законов» свидетельствует о том, что Платон никогда не отказывался от главного тезиса о существовании и парадигматическом характере Идей (с. 579).

Глава о приписываемых Платону письмах позволяет в очередной раз оценить разнообразие мнений среди платоноведов. Подобно тому, как в предыдущем томе Гатри приводил диаметрально противоположные мнения касательно «Горгия», «Протагора» и «Гиппия большего», точно так же и здесь, как отмечает он по поводу знаменитого пассажа VII письма, в котором говорится о философии,

> во всей литературе, посвященной Письмам, поражает то, как д-р А безошибочно узнает «руку Мастера» в пассажах, которые для д-ра Б выглядят тривиальными, абсурдными и совершенно недостойными Платона. Если включаться в игру, я в данном случае на стороне А: никто, кроме Платона, не мог или не мог бы написать так, и данный пассаж представляет собой не что иное, как его собственную попытку сжато изложить на нескольких страницах сущность своей поздней философии (с. 614).

Последующий анализ Гатри представляет большой интерес вне зависимости от того, подлинное ли VII письмо или подложное, – фактически обсуждение этого письма предоставляет Гатри повод подвести итог и свести воедино многие линии, обсуждавшиеся на протяжении обоих томов и касающиеся платоновской онтологии, эпистемологии и диалектического метода. В этой же главе он делает один из главных выводов всего

тома – о том, что отправной точкой философии Платона служит его интерес к «индивидуумам», т.е. к реальным вещам, которые относятся

> к здравому смыслу и обычной жизни, и его проблема состоит в том, можем ли мы обладать знанием о них […]. Какого рода знанием мы можем обладать об индивидууме, поскольку о них не может быть никакой науки? (с. 630).

Платон вводит Идеи «в качестве разрешения трудностей, связанных с нашим восприятием индивидуальных феноменов» (с. 632). Конечная цель диалектики состоит не в открытии наивысших всеобъемлющих Идей или высших принципов, но в том, чтобы

> получить через последовательные правильные разделения на род и виды наименьший поддающийся определению класс – атомарные, или неделимые, виды – и так максимально приблизиться к индивидууму (с. 635).

Наконец, глава о «неписаном» учении Платона послужит прививкой здравомыслия тем, кто чересчур увлекается идеями так называемой Тюбингенской школы. Указывая, что ее основоположники Г.-И. Кремер и К. Гайзер и так уже подверглись обстоятельной критике, Гатри обещает к ней ничего не добавлять и высказать лишь несколько общих соображений, однако даже этих соображений достаточно, чтобы наглядно показать все слабые места тюбингенцев. В оставшейся части главы Гатри предпринимает попытку согласовать свидетельства Аристотеля, касающиеся Большого-и-Малого, Единого и Идей-Чисел, с диалогами Платона:

> Как только мы понимаем, что диада Большое-и-Малое – это наше старое знакомое *Apeiron*, туман начинает рассеиваться; и то, что Неопределенную Диаду или Большое-и-Малое Платон должен был взять в качестве специального термина для *Apeiron*, находит подкрепление в его собственных сочинениях (с. 656).

Переходя к переводу, напомним, что он находился в центре нашего внимания в рецензиях на четвертый и третий тома, поскольку был столь низкого качества, что не позволял нормально ознакомиться с содержанием книг. Перевод настоящего

тома тоже не вызывает желания его похвалить, но всё же не содержит такого невообразимого количества фактических и речевых ошибок, как в предыдущих. Вместе с тем уже по приведенным цитатам читатель мог заметить, что научная и литературная редактура текста оставляет желать лучшего. Как и в предыдущих томах, в некоторых случаях перевод заставляет задуматься об уровне квалификации переводчика и редактора. Приведем лишь самые бросающиеся в глаза примеры:

> Причастие «аорист» (the aorist participle), как часто бывает, несет нагрузку смыслового глагола (с. 89).

По переводу только двух этих слов видно, что ни переводчик, ни редактор не имеют никакого представления о греческом языке и том, что это за такое загадочное «причастие “аорист”». Кто-то мог бы возразить, что им и не нужно разбираться в классической филологии, но всё же для книги, изобилующей цитатами на древнегреческом (а в некоторых особо сложных случаях Гатри обсуждает и грамматику оригинального текста), хорошо было бы подыскать научного редактора, обладающего хотя бы минимальными познаниями в древнегреческом, чтобы избежать столь кричащих ошибок.

Сомнения закрадываются не только в филологической, но и историко-философской компетенции переводчика и редактора:

> Секст объединяет Ксенократа с остальными представителями старой Академии, перипатетиками и стоиками, в связи с их делением на либо хорошее (good), либо плохое (bad), либо ни то ни другое. Эта классификация, вроде бы проложившая путь для стоического учения о «беспристрастности» (indifferents), была прочно укоренена в философии самого Платона (с. 733).

Конечно, в данном контексте good и bad было бы правильнее перевести терминами «благо» и «зло», а не «хорошее» и «плохое», но эта проблема меркнет по сравнению с переводом indifferents, т.е. «безразличного», базового термина эллинистической философии, как «беспристрастности».

К сожалению, в переводе хватает таких досадных терминологических ошибок. Часто текст заставляет усомниться не только в историко-философской компетенции людей, над

ним работавших, но и просто во владении нормами русского языка. На протяжении всей книги английское antithesis ошибочно переводится как «антитезис», что раз за разом дает абсурдное значение, которое нисколько не смущает переводчика и редактора:

> Гермоген и Кратил поспорили о статусе имен в терминах актуального в то время антитезиса *nomos-physis* (с. 17).
>
> В качестве упражнения им теперь надо применить дедуктивную процедуру к обеим сторонам парменидовского антитезиса – и к гипотезе Единого, и к ее противоположности (с. 90).
>
> Кейт усматривает два парадокса, связанных, соответственно, с высказываниями, что идеи *становятся* знаемыми и они же *есть* знаемые. Я не нахожу этого антитезиса в тексте (с. 228).
>
> Простой антитезис между дедукцией и индукцией вряд ли подходит (с. 326).
>
> В 61e1 мы имеем знакомый антитезис между «возникающим и погибающим» (с. 364).
>
> Антитезис γενέσει и λόγῳ (или εἴδει) πρότερον – его излюбленный (с. 466).
>
> Акцент на антитезисе *nomos-physis* показывает, что Платон в первую очередь имел в виду великих софистов (с. 553).
>
> О софистах как коллективных сторонниках антитезиса *nomos-physis* см. т. III и об Архелае и связи данного антитезиса с эволюционными физическими теориями (там же).

Разумеется, во всех этих случаях речь идет о противопоставлении или, если уж хочется использовать заимствованное слово, антитезе, а не антитезисе, который в русском языке обозначает противоположность тезису.

В преследующем читателя на протяжении всей книги ощущении, что Гатри пишет тяжелым и неудобоваримым языком, виноват исключительно перевод (в оригинале язык Гатри как раз отличается ясностью и доступностью) и странные

переводческие решения, объяснимые разве что незнанием и английского, и русского языков:

> Кратил отвечает, что эти случаи не аналогичны, но Сократ настаивает на согласованном моменте (presses the agreed point), что и картины, и имена являются изображениями (с. 29).

На самом деле Сократ настаивает на «принятом положении», относительно которого они выше согласились с Кратилом.

> По этому поводу продолжается спор, восходящий еще к последнему веку (goes well back into the last century) (с. 52).

Спор восходит к предыдущему, т.е. XIX в.

Напоминая основные черты учения об Идеях в «Федоне», Гатри отмечает:

> Идеи, соответствующие ценностным понятиям, таким как благое и прекрасное (Forms corresponding to value-concepts such as good and beautiful) (с. 67).

Чуть ниже, описывая сложный способ постижения Идей, о которых нам напоминают их несовершенные воплощения на земле, «вначале смутно, однако благодаря усердию в философской жизни все более отчетливо», он говорит, что от этого процесса

> неотделима устойчивая ассоциация Идей с важностью (association of the Forms with value) […] даже в случае Идей, вроде бы не имеющих какой-то особой важности (Forms which might not seem to have any special value) (с. 68).

Конечно, речь идет ни о какой не важности, а о связи Идей с ценностью и сферой ценностного, о чём шла речь предложением выше.

> От него [Платона. – *С.Н.*] можно было бы ожидать, что, сказав, что как движущиеся, так и неподвижные вещи существуют, он спросит: подразумеваем ли мы под этим, что они (либо один, либо оба класса) движутся либо покоятся? И несмотря на то что существование – это не то же самое, из этого нельзя сделать абсурдный вывод, что ни то ни другое не движется и не покоится, что следует из (явно неоправданной) замены движением и покоем движущихся и покоящихся вещей (с. 223–224).

Сравним с оригиналом:

> Having said that both moving and unmoved things exist, he might be expected to ask, do we mean by this that they are (either one or both classes) moving or at rest? And although to say that they exist is not the same thing, it does not entail the absurd consequence that neither is either moving or at rest (p. 143 английского издания).

То есть «сказав, что и движущиеся, и неподвижные вещи существуют, он мог бы уточнить, подразумеваем ли мы, что они движутся или находятся в покое? И хотя утверждение, что они существуют, означает не то же самое, оно вовсе не влечет абсурдного следствия, что ни те ни другие вещи не двигаются и не покоятся».

Этот печальный список можно было бы продолжать еще долго, но будем считать, что о качестве переводов в издательстве «Владимир Даль», в особенности с учетом отмеченного в рецензиях на предыдущие два тома, сказано уже достаточно. Остается только сожалеть, что замечательная, монументальная работа Уильяма Гатри год за годом получает на русском столь несовершенное воплощение.

РГГУ **С.В. Наранович**
snaranovich@gmail.com

Д.С. Курдыбайло. *Куррикулум для теурга*. Калининград: Издательство БФУ имени И. Канта, 2024. – 202 с. ISBN 978-5-9971-0879-3.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-29-41 УДК 1(091)

Монография Д.С. Курдыбайло «Куррикулум для теурга» входит в серию книг «История куррикулума», которая объединяет монографии, посвященные вопросам наставничества

© Волкова Н.П., 2025